

Чтобы понять, как именно Андре Жид превратился в истового фанатика Камиллы, нужно вернуться немного назад и вспомнить девочку по имени Сакуя.

В этом теле А-Эр прослыл настоящим зачинщиком всех дворовых шалостей. Он твердо вознамерился подчинить себе каждого ребёнка в округе: непослушных безжалостно колотил, а если это не помогало, среди ночи проникал сквозь стены в их спальни, до смерти пугая упрямцев.

Едва прибежали встревоженные криками взрослые, незванный гость испарялся без следа. Спустя некоторое время он возвращался к притихшим ребятишкам и заговорщически шептал, что он — лесной эльф, которого могут видеть лишь избранные. После этого даже самые неисправимые драчуны и гордецы начинали мнить себя героями волшебных сказок и проникались к А-Эру благоговением.

Ребята, с которыми он водился, прекрасно знали о его нечеловеческой природе, так что внезапные превращения А-Эра никого не удивляли. В глазах взрослых это выглядело дико: дети то и дело собирались кружком вокруг бродячего кота, одинокого цветка или глухой стены и увлеченно с ними беседовали.

Благодаря подобным чудесам А-Эр быстро стал любимцем детворы и незаметно превратился в легенду. Ребята величали его не иначе как «господином божеством». Маленькая Сакуя была одной из тех, кто свято верил в эту сказку.

И в реальности, и под личиной Камиллы А-Эр оставался неисправимой совой. Стоило ночной тоске заявить о себе, как он, подобно Гамельнскому крысолову, созывал детей особым ультразвуковым сигналом. И они послушно шли за ним, чтобы под покровом крошечной тьмы, под сиянием его исполинских золотых глаз, кружиться в танцах, петь и играть до упаду.

Конечно, взрослые не задолжали ему плату, да и мстить безвинным крохам А-Эр не собирался — им двигала чистая, незамутненная скука. Перед самым рассветом он неизменно возвращал своих маленьких друзей по домам, заботливо накладывая на них чары глубокого сна: даже за час такого отдыха дети высыпались так, будто проспали все восемь. На следующий день они просыпались бодрыми, готовыми к новым свершениям.

Вырастая, вчерашние малыши теряли способность видеть духа. Со временем стирались и воспоминания, из-за чего взрослые списывали детские рассказы на проявление коллективной фантазии. На самом же деле А-Эр признавал в качестве равных лишь детей — едва те переступали порог отрочества, он мгновенно терял к ним интерес, если только в подростковом возрасте не обнаруживалось какой-то исключительной, манящей черты.

Сакуя разделила бы общую участь — со временем её образ стерся бы из памяти А-Эра, а она сама позабыла бы ночные хороводы. Но однажды девочка спросила, как зовут их таинственного покровителя. А-Эр честно ответил, что в этом мире у него имени нет. Тогда дети

устроили шумный совет и наперебой принялись придумывать прозвища. В итоге выбор пал на вариант, предложенный Сакуей, — Камилла. С того самого дня А-Эр выделил девочку среди прочих.

Со своими любимцами А-Эр бывал на редкость щедр и охотно исполнял их заветные желания. Как-то раз у одной из девочек намечалось родительское собрание. Её родные были слишком заняты на работе и прийти не могли, поэтому расстроенная малышка попросила А-Эра заменить родителей. И тот, ничтоже сумняшеся, действительно явился в школу.

Девочка вмиг сделалась главной школьной знаменитостью и долго ещё ходила, задрав нос от гордости. А то, что учителя и настоящие родители при виде А-Эра впадали в ступор, мечась между диким ужасом и полным непониманием, а после, попав под воздействие его ментальных волн, напрочь забывали о странном посетителе — это уже совсем другая история.

Если же кого-то из его подопечных обижали в школе, А-Эр устраивал обидчикам весёлую жизнь. По ночам он навещал малолетних задир одного за другим. Просыпаясь среди ночи, хулиганы замирали от ужаса, видя у своего окна искажённую, колышущуюся черную тень. Месяц кошмаров и бессонницы творил чудеса: вскоре заплаканные мучители ползали на коленях перед своей жертвой, вымаливая прощение и клянясь больше никогда в жизни никого не трогать. Только когда измученный ребенок великодушно прощал обидчиков, А-Эр милостиво отступался.

Но мы отвлеклись. Когда А-Эр узнал, что Сакую похитили и её жизни угрожает смертельная опасность, его ярость не знала границ. Он явился за ней лично, вырвал из лап бандитов, а затем с леденящей душу решимостью отправился на поиски виновников. Похитители и не подозревали, что совершили самую роковую ошибку в своей жизни, посягнув на то, что принадлежало древнему божеству.

Солдаты «Мимика» до того дня тоже послушно игнорировали колоссальный золотой глаз, парящий в небесах. Но когда разъярённый А-Эр стёр в порошок половину их авангарда, морок коллективного внушения спал. Столкнувшись лицом к лицу с существом, попирающим все законы физики и здравого смысла, неприкайнные призраки войны во главе с Андре Жидом прозрели. И эта слепая вера мгновенно переросла в безумный, фанатичный экстаз.

Они узрели в этом перст судьбы. А-Эр стал для них божеством, несущим долгожданное избавление; они веровали, что лишь гибель от его руки или полное поглощение их душ подарит им вечный покой. Вот только А-Эр их домогательства брезгливо игнорировал: их измученные, истерзанные войной души казались ему слишком горькими и кислыми на вкус. Но холодное безразличие лишь разжигало пыл фанатиков. Они решили, что это великое испытание, ниспосланное свыше, и лишь пройдя через все круги земного ада, они заслужат священное отпущение грехов.

Во время той же заварушки А-Эр сошелся с приёмным отцом Сакуи — Сакуносукэ Одой. Одасаку был из тех людей, чей характер невозможно описать парой банальных фраз. Услышав от дочки рассказ о спасителе, он не выказал ни малейшей тревоги или страха перед потусторонней силой. Напротив, со всей искренностью поклонился А-Эру, сердечно

поблагодарив за спасение детей.

Разузнав, что гость обожает пробовать на вкус всё необычное, Одасаку простодушно пригласил его на порцию своего фирменного сверхострого карри. А потом, стоило А-Эру заглянуть к Сакуе, неизменно подсовывал им обоим разные сладости и лакомства.

Что же до близкого друга Одасаку, Осаму Дадзая, то с ним А-Эр познакомился ещё много лет назад, когда тот был лишь угрюмым, щуплым подростком.

Какое бы обличье ни принимал А-Эр, Дадзай неизменно узнавал его. Юноша обладал пугающей, почти сверхъестественной проницательностью и острым умом. Он был одним из тех единиц, кто с самого начала сбросил ментальные оковы и осознал: висящее над их головами «солнце» таит в себе нечто чуждое и зловещее. Однако эта гениальность обернулась для него проклятием, медленно выжигающим душу.

Осознав, что кончина не приносит желанного покоя, а загробный мир и души — вполне осязаемая реальность, Дадзай однажды с нескрываемым отчаянием спросил А-Эра, принявшего очередной нечеловеческий облик:

— Если даже смерть не дарует забвения, то ради чего вообще стоит цепляться за эту жизнь? Какой во всём этом смысл?

Окажись на его месте Кадзума Арааки или Сидзука Годзё, они наверняка дали бы ему глубокий, выстраданный ответ. Но перед измученным юношей стоял беззаботный Камилла.

Тот лишь озорно склонил голову набок и пожал плечами:

— Спросишь меня — отвечу, что жить нужно исключительно ради собственного удовольствия. Но если бы ты обратился к тем двоим... у них наверняка нашлось бы для тебя совсем другое объяснение.

Дадзай лишь нахмурился, не скрывая недоумения. Каким бы гениальным он ни был, ему и в голову не могло прийти, что загадочные «двое других», о которых нет-нет да и упоминал А-Эр, — это его собственные ипостаси.

Бездну тайны могли приоткрыть разве что те немногие, кому — подобно Рэнъе Карасуме и Сиро Куросаве из параллельного мира — посчастливилось соприкоснуться с самой душой А-Эра и перенять его воспоминания. Лишь тогда открывалась истинная суть вещей: весь этот мир — не более чем масштабная, искусно срежиссированная игра. Таков был фундаментальный закон этой вселенной.

Да и толку от этого знания? Даже догадайся кто-нибудь, что загадочный Камилла — лишь земное воплощение пылающего в вышине светила, поделаться с этим они ничего бы не смогли.

Само его появление бесследно перекраивало и искажало чужое восприятие.

Действительно, против такой силы смертные были бессильны. Благодаря пассивному ментальному воздействию Камиллы человечество послушно не замечало висящую над планетой исполинскую сферу. Сам же Камилла мог растворяться в толпе по шелчку пальцев: стоило ему пожелать, и окружающие слепли, проходя мимо. Разоблачать его было бессмысленно — мир просто отказывался верить очевидному.

Именно поэтому те немногие из здравомыслящих людей, кто ухитрился сохранить рассудок, предпочитали не искушать судьбу и уживаться с ним в мире. Хотя, конечно, всегда находились безумцы, одержимые мыслью во что бы то ни стало уничтожить неведомое божество.

А-Эр никогда не засиживался на одном месте — маршруты его прогулок зависели исключительно от сиюминутного каприза. Впрочем, чаще всего его можно было встретить на улицах сонного Намимори или в портовых переулках Иокогамы.

Как-то раз, приняв обличье бродячего кота, он наткнулся на Сосэки Нацумэ, разгуливавшего в точно такой же пушистой шкуре. Озорства ради А-Эр принялся усердно вылизывать ошарашенного писателя, устроив тому знатную выволочку. Несчастный Нацумэ перепугался настолько, что едва не сбежал из Иокогамы в ту же ночь.

Пересекались его пути и с Чуей Накахарой. Хотя они принадлежали к совершенно разным плоскостям бытия — А-Эр стоял на вершине иерархии этой вселенной, будучи сторонним Игроком, наблюдающим за виртуальным миром, — они на удивление легко поладили. Даже когда Чуя перешагнул порог детства, А-Эр время от времени навещал старого приятеля, чтобы весело провести время.

Изредка в толпу ребятишек втиралась Элис — воплощение способности босса Портовой мафии Огая Мори. А-Эр с первого взгляда понимал, что перед ним искусственная кукла, а не живой ребёнок, но послушно подыгрывал, общаясь с ней как с обычной капризной девчушкой.

Понятие личных границ у А-Эра отсутствовало напрочь. Он без зазрения совести шел на манящий запах детской ауры в поисках новых забав. Наткнувшись на запертого в четырех стенах Кюсаку Юмэно, он без лишних раздумий вызволил бедолагу и утащил с собой. Огай Мори лишь развел руками — противопоставить чужаку ему было нечего, оставалось лишь засылать следом Элис, надеясь хоть краем глаза уследить за непредсказуемым божеством.

Больше всего мафиозный босс опасался, что эта парочка в пылу игр ненароком сорвёт какую-нибудь важную сделку в порту. Ведь преград для А-Эра не существовало — он заявлялся туда, куда ему вздумывалось.

Сбежав из заточения, Юмэно хвостиком ходил за своим спасителем. Мальчик изнывал от жгучей ревности и то и дело порывался пустить в ход коварную силу против других детей. Разумеется, А-Эр, ревностно оберегавший свою маленькую паству, терпеть этого не стал. Приняв облик сурового мальчугана, он задал Юмэно такую трепку, что тот разревелся в три

ручья. Попытка натравить на обидчика свою проклятую куклу провалилась — ментальные оковы на А-Эра не действовали.

И неудивительно: по части ментального внушения А-Эр не знал равных — он умудрялся дурачить всё население планеты, заставив людей в упор не замечать висящее в небе светило. Так что попытки Юмэно казались на его фоне жалкими детскими шалостями. Будем честны, тягаться с А-Эром в искусстве подчинения разума — всё равно что пытаться переиграть дьявола на его собственном поле.

Впрочем, к своим друзьям божество относилось с пониманием и терпением. Надавав Юмэно тумачков, А-Эр тут же увлёк всхлипывающего и обиженного мальчишку за собой — устраивать каверзы. Они забавлялись тем, что без конца вызывали лифт в высотках, до полусмерти пугая суеверных жильцов рассказами о разгулявшихся призраках.

Всласть нарезвившись, А-Эр авторитетно заявил притихшему напарнику:

— Вот мы и стали сообщниками. Знаешь, кто это такие? Мы теперь повязаны одной веревочкой, у нас общий преступный синдикат! Правда, зачинщик и босс здесь я, а ты — мой верный подручный. Так что отныне изволь меня слушаться.

Вглядываясь в эти нечеловеческие золотистые глаза, мерцающие в полумраке, Юмэно ощутил, как уходит былая обида. На душе стало тепло и спокойно. С тех пор эта парочка неугомонных сорванцов держала в страхе половину округа.

Осмелев под надежным крылом своего покровителя, Юмэно однажды затащил А-Эра прямоком в штаб-квартиру Портовой мафии, где они знатно проучили Мори, обеда его вокруг пальца. Боссу мафии оставалось лишь приложить ладонь к лицу и сделать вид, будто ничего не произошло. Вступать в открытый конфликт с древней непостижимой силой из-за детских проказ было бы верхом глупости.

Но вот трехлетний срок истек, и предводитель детворы с триумфом вернулся к своим обязанностям. А-Эр поспешил обратно в объятия преданной паствы. Пусть некоторые из его прежних друзей успели вырасти и позабыть ночные приключения, им на смену пришли новые малыши. Они всё так же восторженно сбегались на его призыв, чтобы кружиться под луной в безумном хороводе.

Да и могло ли быть развлечение увлекательнее, чем дружба с живым городским мифом? С непостижимым существом, способным принять любой облик по мановению руки?

Андре Жид и его верные соратники безмолвными тенями следовали поодаль, охраняя покой своего господина. Они прекрасно знали: божество терпеть не могло, когда назойливые взрослые вмешивались в их беззаботные детские игры.

Слухи о том, что древний бог явил миру свое новое воплощение, мгновенно разнеслись по

изнанке общества. Те немногие, кто в былые годы приложил руку к зловещему «Проекту по убийству Бога», вновь подняли головы, замышляя недоброе.

Но А-Эра это мало заботило. Никакая сила во вселенной не могла помешать его веселью. Даже... он сам. По крайней мере, ему хотелось так думать. Однако удушливый, изнуряющий голод, терзавший его долгие годы, давал о себе знать: стоило ему вспомнить о существовании двух других своих ипостасей, как у него невольно текли слюнки.

Когда Жид смиренно поинтересовался планами своего повелителя на будущее, А-Эр, ведомый непреодолимым внутренним порывом, широко улыбнулся:

— Пришла пора позвать сюда тех двоих. Жду не дожусь нашей встречи.

Воплощенный в этом теле, А-Эр понимал истину отчетливее всех прочих версий себя: слияние трех его сущностей ознаменует неизбежный финал. В тот самый день занавес этой грандиозной игры опустится раз и навсегда.

Но разве это повод для грусти? Его заботило лишь одно: прожить каждый отпущенный миг с удовольствием, сполна насытив свои первобытные желания.

А высоко в небесах колоссальный золотой диск — вечный, немой свидетель — продолжал свой неспешный бег. Он безучастно созерцал суету земного мира, следил за шалостями своего воплощения и терпеливо ждал часа, когда этой вселенной будет суждено сгореть дотла.

<http://bllate.org/book/18335/1760516>